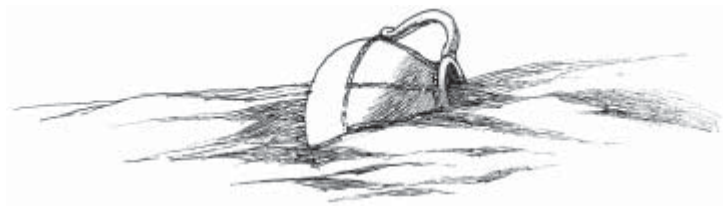

АРМИНИЙ ВАМБЕРИ: ПОД МАСКОЙ ДЕРВИША

Сколько их, замороженных Востоком европейцев, устремлялись в эти края — «за три моря», через пустыни и горы! Одних влекла сюда надежда на торговую удачу, других — жадная любознательность, желание своими глазами увидеть далекие загадочные страны, третьих — стремление обрести здесь дружбу и поддержку власть имущих... Увы, имена очень немногих из них оказались вписанными в историю. Имя венгерского ученого и путешественника Арминия Вамбери — среди этих немногих: влекомый на восток юношеской романтической мечтой и важной научной задачей, он еще при жизни был признан одним из наиболее выдающихся исследователей Средней Азии. Его «восточные странствия», увенчавшиеся выпуском многих научных трудов, поражают и мужеством, дерзостью предпринятого путешествия в те края, куда европейцу пути были закрыты под страхом неминуемой гибели.

Герман Вамбери родился в 1832 году в бедной семье венгерских евреев в городе Сен-Георгене. Фамилия его происходит от прадеда, жившего в XVIII веке в небольшом городке Бамберге. Когда император Иосиф II предписал, чтобы все его подданные-евреи обзавелись фамилиями, тот был записан Бамбергером, отец — уже Вамбергером. Патриот своей страны, Герман переделал на венгерский лад имя и фамилию, став Арминием Вамбери.

Отца своего Вамбери не знал — тот умер до рождения сына. Но дух отца — набожного талмудиста — витал в семье постоянно, даже после вторичного замужества матери. На всю жизнь запомнился Вамбери зовущий на молитву стук деревянного молотка в дверь. Как и тяготы, испытанные ребенком, отданным в услужение к чужим людям. В детстве же он «заработал» хромоту. Но зато природа щедро одарила мальчика блестящими способностями к учению, феноменальной памятью. Он рано почувствовал вкус к наукам, особенно к иностранным языкам, изучал их вначале самостоятельно, по ночам, затем в монастырской школе. Выйдя из школы пятнадцатилетним, прекрасно знал семь из них. Он едет в Вену. Часами просиживает в захудалом кафе на скамье «учителей на выезд», иногда его нанимают домашним учителем, что дает средства к существованию и даже возможность скопить несколько форинтов. А главное — обучая, он продолжает учиться сам, и вскоре читает в подлиннике произведения классиков многих стран, в том числе Пушкина, Лермонтова, Державина, английских, французских, шведских, датских, греческих

писателей и — особая радость — Саади, Хафиза, Омара Хайяма. Особая же радость вот почему: уже первое знакомство с восточными языками показало юноше, что изучение Востока и его литературы «способно доставить прямо безграничное наслаждение». Пленительные картины далекого края неотступно стояли перед ним, «не давая покоя ни днем, ни ночью». Была и еще одна весома причина: венгерских ученых давно интересовал вопрос о происхождении венгров (мадьяр). В венгерском языке можно встретить немало слов, схожих с теми, что употребляют тюркоязычные народы. «Я надеялся найти у кочевников азиатских степей и у горожан, живущих к востоку от Оксуса (Амударьи), такие элементы речи, которые позволили бы мне установить бесспорное сходство и родство этих языков с мадьярским. Мысль о путешествии в Центральную Азию занимала меня много лет», — писал он в книге «Моя жизнь».

В 1856 году Вамбери сел на паром, следующий курсом в Стамбул и прожил в Турции шесть лет. Единственный из европейцев, он получил право обучаться в медресе — мусульманской школе и вскоре мог на равных с турками участвовать в религиозных диспутах. Была и другая «школа»: он не пренебрегал возможностью зайти в кофейню, потолкаться на базаре, затеряться в уличной толпе. Видели его и во дворах мечетей, где, сидя у ног учителей-хаджи, он постигал премудрости ислама. И еще — юноша пользовался всяким случаем для бесед с паломниками из разных ханств Средней Азии, направлявшихся в Мекку через Константинополь.

Вскоре Вамбери нашел себе занятие на педагогическом поприще, обучая желающих иностранным языкам, благодаря чему обзавелся связями в литературных, научных и даже посольских кругах Стамбула. Уроки французского брал у него сын самого турецкого паши. Владея почти тридцатью иностранными языками, Вамбери стал незаменимым человеком и в министерстве иностранных дел, где мог быть переводчиком решительно всех дипломатов при дворе султана. Он стал важным господином, разъезжал в собственной карете. Его стали называть здесь Решид-эфенди.

К 1858 году относятся его первые лингвистические работы — был издан составленный им немецко-турецкий, а затем чагатайский словари. Но он пришел к убеждению, что нужно двигаться дальше на Восток, через Персию в Среднюю Азию.

Научными изысканиями Вамбери заинтересовалась Пештская Академия наук. Он приехал на родину и был избран членом-корреспондентом академии. Здесь же выслушали и его дерзкий план проникновения в Центральную Азию с караваном странствующих дервишей. План этот восхищал своей смелостью и ужасал возможностью самых плачевных последствий — ведь Вамбери в глазах фанатичных мусульман был френги — европейцем, и он обрекал себя в случае разоблачения на верную смерть.

В Стамбуле, куда возвратился Вамбери и откуда решил продолжить свой путь на Восток, друзья также пытались отговорить его от опасного путешествия. Но он был непреклонен.

В Тебризе Вамбери, как турок Решид-эфенди, был представлен персидскому султану, здесь ему вручили особый паспорт, украшенный султанской печатью-тугрой, почитаемой повсюду на Востоке. 27 марта 1863 года турецкий посланник в Тегеране давал прощальный пир в честь отважного путешественника. При прощании посольский врач протянул ему свой «талисман» — несколько белых крупинки смертельного яда и сказал: «Когда вы увидите, что уже делаются приготовления к пытке и что не остается никакой надежды на спасение, проглотите это». И утром следующего дня исчез знатный турецкий господин Решид-эфенди, а к толпе странствующих хаджи, держащих путь из Мекки в Бухару, присоединился хромой дервиш с таким именем — в грубой одежде, состоящей из бесчисленного количества заплат, перехваченной вместо пояса веревкой. Ноги его были обернуты тряпьем, голову покрывала огромная чалма, на груди, как у всех хаджи, висел мешочек с довольно объемистым Кораном.

Караван шел в Хиву. Вамбери, как предписывалось мусльманину, совершал молитву пять раз на дню, читал суры Корана. Он научился спать в седле, умывался песком, ел руками из общего блюда, расстилал свою одежду возле муравейников, чтобы избавиться от кишаших в ней паразитов. В пути он замерзал по ночам, страдал от нестерпимой жары и жажды. Трескалась кожа, отказывало зрение... Но сильнее физических страданий был страх выдать себя: вокруг было множество наблюдающих и подозревающих глаз. Особенно досаждал один афганец из Кандагара,

постоянно кричавший, что среди них находится шпион и обещавший разоблачить его по приходе в Бухару. В увлекательной повести писателя Николая Тихонова «Вамбери» есть такой эпизод: во время одного из привалов, когда афганец медленно пил какое-то одурманивающее зелье, крупинка смертоносного яда была незаметно брошена в его чашу... Случилось ли такое в действительности и на чьей совести отравленная чаша — Вамбери или создателя повести — узнать нам не суждено. Но известно, что за него поручились почтенные и уважаемые хаджи Билял и хаджи Сали, с которыми Вамбери познакомился в турецком посольстве и шел от самого Тегерана. Факт и то, что в Бухаре он побывал и вернулся из путешествия целым и невредимым.

Однако об этом — позже. Пока же, через две недели пути, преодолев жаркие туркменские степи, песчаные барханы, караван паломников входит в Хиву, и уже у городских ворот его встречает огромная толпа людей. Сразу стольких праведников, совершивших хадж в священную Мекку, Хива видит впервые. Паломникам целовали руки, каждый стремился хотя бы прикоснуться к их одежде. Слух о святом хаджи из Турции разнесся по городу, он был приглашен для благословения к хану Хивы. И вот Вамбери в Ичанкале, укрепленном городе внутри города. Дворец хана был расположен среди куполов мечетей, высоких минаретов. Полулежа на возвышении, хан принял благословение дервиша.

Месяц паломники прожили в Хиве. Вести записи, «находясь в своем дервишеском инкогнито», Вамбери

не мог. Но множество фактов, наблюдений, впечатлений отложилось в его зоркой памяти. Он бродил по улочкам Хивы, заходил в жалкие глинобитные мазанки бедняков и в дома богатых людей, запоминал детали быта, одеяния, пробовал блюда местной кухни, расспрашивал об обычаях, растворялся в шумной толпе во время праздников, узнавал, какие товары вывозят из этого края и что ввозят идущие сюда караваны...

Из Хивы путь богомольцев лежал через знойные пески к древней Бухаре, к ее святыням. Идти надо было шесть дней, запасов питьевой воды — в обреш. И они торопились, караван двигался днем и ночью. Тягот пути не выдерживали даже выючные животные, на второй день пали два верблюда, на следующий день умер один из паломников, тело его оставили в песках. Потом их застигла смертоносная песчаная буря. Очнулся Вамбери в бедной хижине, среди незнакомых людей. Он попросил пить и ужаснулся: он не сразу осознал, на каком языке высказал свою просьбу. Паломников спасли пастухи-арабы, пасущие овец на пустынных пастбищах, рабы богатых хозяев. И для них в пустыне каждый глоток воды был драгоценностью, но они не отказали попавшим в беду людям. По древним законам гостеприимства, привечали странников и кочевники-животноводы, разбивающие в пустыне свои стойбища там, где можно было какое-то время прокормить скот. Он потом расскажет, как поили их женщины кумысом, направляя струйку напитка из бурдюка в открытые рты жаждущих. С удивительными подробностями опишет, как

ставят юрту в пустыне, как ткут паласы. Все это делали женщины, и Вамбери подчеркивал, что в условиях кочевья от женщины зависело очень многое. Она была первым помощником и советчиком мужа.

Преодолев тяжкую дорогу, караван вошел, наконец, в Бухару. “Благородной”, “Сияющей” издавна называли ее на Востоке. И еще известен был этот

древний город в ту пору как оплот истинной исламской правоверности, ревниво оберегаемой от чужестранцев. Вамбери чувствовал, что за ним установлена особая слежка и очень боялся выдать себя неверным шагом. Он посетил гробницу святого Бохауддина, молился здесь истово и неустанно. Наконец, его пригласили для ученого разговора с бухарскими муллами. Испытание хромой хаджи выдержал с честью, после чего его оставили в покое, разрешили знакомиться с древними рукописями.

Следующим пунктом следования каравана был Самарканд. Город поразил путешественника. Являвшийся в средние века столицей огромной империи Амира Темура, он и в XIX веке сохранял яркие черты былого великолепия. Вамбери любовался голубыми куполами мавзолеев Шахи-Зинды, порталами мечети Биби-ханым, величественной площадью Регистан, застроенной уже при внуке Темура — великом ученом Улугбеке. Спускался в подземелье усыпальницы Гури-Амир, чтобы прикоснуться к нефритовому надгробию великого самодержца, держал в руках Коран Османа, слушал лекции в медресе. В своих трудах по истории Средней Азии Вамбери особо выделил время правления Темура, назвав его «блистательным периодом», который «одарил тюркский народ таким блеском, в лучах которого и теперь еще греются многие племена».

Минуло полгода с того дня, как хромой дервиш отправился в свое опасное путешествие. И вот он со слезами на глазах прощается с верными друзьями хаджи Билялом и хаджи Сали. Они делили с ним

трудности, были его заступниками. И так и не узнали, что под личиной ходившего с ними по свету хромого дервиша скрывался европеец. Уже без них посетив Карши, другие города Средней Азии, Вамбери благополучно возвратился в Константинополь.

Первые же публикации Вамбери о совершенном путешествии по Средней Азии были столь невероятны, что многие заподозрили его в подлоге. Однако более поздние исследователи региона опровергли эти подозрения — все, о чем узнал, что увидел Вамбери, описано им с необычайными подробностями и возможной точностью. Знаменитое свое «Путешествие по Средней Азии» он написал сначала на английском языке, потом на немецком, а позже оно было переведено почти на все европейские языки. В 1865 году книгу издали в Санкт-Петербурге на русском языке. Само название глав показывает, как широк был диапазон интересов ученого. Вот разделы о Хиве: столица, ворота и кварталы города; базары, мечети, медресе, как они основываются и чем существуют. Полиция. Хан и его правительство. Такса, суды. Каналы. Произведения почвы, мануфактура и торговля, дороги. Население. История Хивы в XIX столетии. То же — в других сочинениях. Кажется, трудно желать более подробного описания стран и городов, дворцов и хижин, характерных черт культуры и быта населяющих край народов. В книге «Очерки жизни и нравов Востока» имеются и такие главы: «Одежда и украшения», «Кушанья», «Женщины», «Бани и омовения», «Дервиши»...

На русский язык, кроме упомянутых, были также переведены такие сочинения Арминия Вамбери, как «История Бохары или Трансоксании», «Очерки Средней Азии», «Железная дорога в песчаном море (Закаспийская)» и некоторые другие. Во всех странах люди буквально зачитывались этими книгами, открывая для себя совершенно неизвестные края, восхищаясь обширными познаниями автора и в то же время его отвагой и дерзостью.

С 1865 года Вамбери состоял профессором восточных языков в Пештском университете. За сочинениями, описывающими путешествие, последовало множество других работ, посвященных главным образом истории, языкознанию, этнографии Востока, а также политике России и Англии в Средней Азии. Продолжал он свои исследования и по вопросу происхождения мадьяр. Научное значение имеют его труды по чагатайскому и уйгурскому языкам, тюрко-татарской и угро-финской лексикологии, «Этимологический словарь тюрко-татарских языков», работа «Происхождение мадьяр», где нашла подтверждение владевшая им идея.

Вамбери подолгу жил в Лондоне, где его научные заслуги были высоко оценены — он был награжден орденом Королевы Виктории. За период с 1865 по 1885 годы этот известный уже в мире ориенталист, этнограф, филолог, публицист поместил в газетах и журналах разных стран мира огромное количество корреспонденций и статей, касающихся политического и экономического положения Центральной Азии, Персии и Турции.

Не все в трудах Вамбери равноценно по своей научной значимости, есть у него и политические пристрастия, субъективные оценки. Но заключить рассказ о Вамбери хотелось бы его пророческой цитатой: «Азии суждено сделаться вскоре страной света, в которой Европа будет искать разрешения многих — крайне важных — политических, культурных и социальных вопросов».

